

Печальное очарование вещей

На соискание Государственной премии в области театрального искусства выдвинут главный режиссер Воронежского театра драмы им. А.В. Кольцова Анатолий ИВАНОВ.

Хотя режиссер ставил спектакли не только по русской классике и почти все его работы в разное время высоко оценивались критиками и зрителями, на соискание премии тезка своего учителя А.В. Эфроса Анатолий Васильевич Иванов выдвинут именно за театральные прочтения пьес А. Островского и А. Чехова.

Спектакль, поставленный Ивановым по чеховской «Безотцовщине», называется «Прости меня, мой ангел белоснежный...». Есть в японском искусстве такое определение: печальное очарование вещей. В пленительной строке из звучащего в спектакле романа ощущается атмосфера такого изысканного очарования.

Спектакль воронежцев был показан в Москве во время Международного фестиваля им. А.П. Чехова в 96-м и вызвал почти единодушное приятие. Казалось бы, во многом этот Чехов ломал стереотипы восприятия Чехова вообще: подчеркнутой красотой сценографического решения (художники — Л. Наголова и М. Курченко), запоминающимся «чувствительным» романсом, в котором внезапно непривычно отразилось знакомое содержание ранней пьесы Чехова; вкусом в подборе исполнителей и построением мизансцен...

Привыкнув, что на протяжении всей жизни Антон Павлович Чехов боролся с любыми проявлениями пошлости, мы сами сделали из него аскета. Чем тусклее фон событий, чем скупее краски, тем ближе нам смысл его рассказов о несостоявшейся жизни, о беспросветном провинциальном существовании, которое на корню губит тех, из кого мог бы выйти Шопенгауэр или Достоевский. Но Анатолий Иванов сознательно взрывает подобный, давно утвердившийся и обретший силу некоего закона стереотип: исследователями признано, что «Безотцовщина» — «дочеховская» пьеса, ранняя, громоздкая, несовершенная по форме. Иванов поставил действительно юношескую пьесу, но — она принадлежит Чехову-классику. Как и стихотворение, строка из которого послужила названием спектаклю: «Прости меня, мой ангел белоснежный...». Е. Малишевский (Платонов), Л. Кравцова (Войницкая), Т. Краснополянская (Саша), В. Потанин (Сергей), Н. Иванова (Софья), С. Карпов (Николай Трилецкий), К. Афонин (Осип) — здесь можно было бы перечислить абсолютно всех акте-

ров, все они проживают сценическое время в той возвышенно-театральной атмосфере, которую не часто сыщешь сегодня и которая заставляет испытывать забытое чувство прикосновения к подлинной русской психологической школе.

Совсем иной спектакль — «Резвые крылья Амура, или Бывшая ваша благотельница Мерица Мурзавецкая» по «Волкам и овцам» А.Н. Островского. Умный, тонкий и лукавый интерпретатор русской классики, Анатолий Иванов совсем не случайно и не для завлечения публики дал столь причудливое название известной комедии. Расплывчатость понятий «волки» и «овцы», смешанность двух подмеченных Островским «клянов» в сегодняшней действительности, где «резвые крылья Амура» (фраза из письма Беркутова к Кулавиной) и «бывшая благотельница» (подпись Мурзавецкой в письме к той же молодой вдове) оказываются двумя полюсами одного и того же — любви к хорошо устроенной жизни. Это вполне современное понятие становится для Иванова и его замечательных артистов той основой, на которой выстраивается легкий, радостный, яркий по краскам и переживаниям спектакль.

Кулавина (Т. Краснополянская) в «Резвых крыльях Амура» — отнюдь не дурочка, неспособная разобраться в своих хозяйственных проблемах. Она — обольстительная женщина, хорошо знает, что еще совсем не закончен ее женский век, а разобраться в наследстве поможет следующий избранник... Этим и раздражает Кулавина Мурзавецкую (Р. Мануковская), ханжу, для которой, по словам другой героини Островского, нет ничего в жизни слаще, чем грешить да каяться, чтобы снова грешить да каяться...

Мне трудно было сразу сформулировать, как сумел этот режиссер извлечь самое главное для сегодняшнего дня в Островском и Чехове — таких разных и мало чем соединимых. Но, вспомнив другие спектакли Анатолия Иванова по Б. Слэйдю, Г. Пинтеру, В. Войновичу, М. Булгакову, последнюю его работу — «Бесприданницу» Островского, понимаю: дело не только в таланте, но и в умении глубоко вчитываться в литературу.

Сегодня Воронежский театр, один из старейших в России, переживает нелегкое время — здание поставлено на капитальный ремонт, который может продолжаться до бесконечности, как свидетельствует печальный опыт. Труппа играет свои спектакли в мало приспособленном помещении. Ситуация обыденная — в ней тоже есть печаль, но лишняя какого бы то ни было очарования. У многих опускаются руки. Остается надеяться, что они не опустятся у Анатолия Иванова.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ